

Огнищане Древней Руси и их скандинавские параллели

Казаков Глеб Маратович

Аспирант

Российский государственный гуманитарный университет, Институт высших гуманитарных исследований, Москва, Россия

E-mail: gleb.kazakov@gmail.com

Внимание историков, изучающих историю Древней Руси и конкретно – социальный состав древнерусского общества, часто фокусируется на таком на первый взгляд загадочном термине источников как «огнищанин». Огнищанами и Повесть временных лет, и обе редакции (Краткая (КП) и Пространная (ПП)) Русской Правды называют, по всей видимости, людей высокого социального статуса, приближенных к князю и, вероятно, входивших даже в число его дружинников. Так огнищанин оказывается синонимичен боярину, во всяком случае оборот «огнищане и гриди», встречающийся в новгородских летописях, в том же контексте имеет в южнорусском летописании параллель «бояре и гриди» [6], что указывает на высокий социальный статус людей, характеризовавшихся как огнищане. Штраф за убийство огнищанина согласно Русской Правде оказывался также весьма высок – 80 гривен, т.е. в два раза больше, чем за убийство простого свободного человека – 40 гривен [7]. Однако с другой стороны, если мы обратимся к тексту статей Русской Правды, то увидим огнищанина в статье 20 КП «у клети, у коня или у стада» [7], т.е. на княжеском дворе, где огнищанин – управляющий. На это указывает и тот факт, что ПП на месте термина «огнищанин» в статье о 80-гривенной вире знает уже исключительно «тиуна огнищного», где тиун, без сомнения, распорядитель княжеским хозяйством. Все это заставляет задать вопрос: был ли огнищанин представителем древнерусской знати, наряду с боярином, или зависимым работником княжеского двора?

Спор этот упирается в этимологию слова «огнищанин», которая различными историками трактовалась по-разному. Дореволюционный историк В. И. Сергеевич, правильно указывая, что термин «огнище» имел значение «очаг, дом», трактовал огнищанина как «хозяин очага, домовладелец» [9], и был в этом поддержан А. С. Львовым [4]. Однако А. Е. Пресняков возражал, заявляя, что «обращать огнищанина во владельца огнища – такая же этимологическая несообразность, как счесть дворянина владельцем двора, а горожанина – города» [Пресняков, 1993. С.195], и давал трактовку «член огнища, дома своего вождя». В дальнейшем А. А. Горский [1] поддержал мнение А. Е. Преснякова, чье толкование кажется действительно более точным.

Важно отметить, что термин «огнищанин» употребляется древнерусскими источниками лишь вскользь, довольно быстро вытесняясь в летописях «боярами», а в тексте Русской Правды – тиуном. Более того, Действительно, в южнорусских летописях термин ни разу не встречается, зато упомянут в новгородском летописании [2, 3, 5]. Это заставляет предположить, что прототип термина следует поискать за пределами Руси, у ее северных соседей – скандинавов. И действительно здесь мы находим термин, семантически весьма близкий к «огнищанину» - *húskarl*. Словарь Клисби-Вигфуссона дает определение «домашний слуга, челядин» [12], указывая, что слово являлось антонимом к *húsb óndi*, «хозяин, господин дома». В термине *húskarl* мы находим два корня:

hús, т.е. «дом» + *karl* «мужчина», однако последнее с несколько пренебрежительным оттенком вроде «мужлан, деревенщина».

Однако оказывается, это не единственное значение слова *húskarl*. Наряду с более распространенным значением «слуга, домочадец», встречается употребление этого же термина со смыслом «воин, дружинник». Снорри Стурлусон в своде королевских саг «Круг земной» употребляет слово *húskarl* в значении именно «член свиты конунга, дружинник» [11]. То же самое мы наблюдаем и в стихах скальдов. Наиболее раннее упоминание термина *húskarl* встречается у скальда Сигвата Тордарсона в *Lausavísur*, 3, где скальд называет этим словом самого себя *húskarl hollan*, т.е. «верный слуга» [13]. Кроме того термин встречается еще и на рунических надписях центральной Швеции [15, 16] (Sö 338, U 330 и U 335), где упоминаются имена хускарлов – Ассур и Хэр – причем в связи с возведением не только рунических стел, но и мостов, что демонстрирует, что положение в обществе этих *húskarlar* было довольно высоким.

Так как же уживались в одном термине столь разные значения? Английский исследователь Линдоу предположил, что значение «слуга» было первоначальным, затем расширившее свою семантику со «слуга в доме/дворе» до «человек на службе» в целом [14]. А поскольку слугами конунга являлись его воины, то и слово *húskarl* стало употребляться также в значении «дружинник». Можно предположить, что скандинавские *húskarlar* – это не знатные дружинники, в обществе которых конунг – первый среди равных, а его слуги, челядь. То же самое справедливо и для древнерусского огнищанина, являвшегося калькой со скандинавского термина – это домочадец своего господина, его клиент, член его большого двора.

Таким образом, огнищанин – слуга князя, участвующий в управлении его хозяйством, а не знатный родовитый боярин. Однако сам факт нахождения на службе у князя, видимо, сопровождался значительными привилегиями, как, например, двойная 80-гривенная вира за убийство огнищанина, известная Русской Правде.

Литература

1. Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989.
2. Ипатьевская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998.
3. Лаврентьевская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997.
4. Львов А.С. Лексика Повести Временных лет. М., 1975.
5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Полное собрание русских летописей. Т. 3.. М., 2000.
6. Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
7. Правда Русская. Т. 1-2. М.-Л. 1940-1947.
8. Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 1. Территория и население. СПб., 1909.

9. Снорри Стурлусон. Круг земной / изд. под.: А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 2002.
10. An Icelandic-English Dictionary / Init. by R. Cleasby, comp. by G. Vigfusson. Second. ed. Oxford, 1962.
11. Den norsk-islandske skjaldedigtning / Udgiven af Finnur Jónsson. B. I Bind. Kag Kristiania. 1912.
12. Lindow J. Comitatus, Individual and Honor: studies in North Germanic institutional vocabulary. University of California Press, 1976.
13. Södermanlands runinskrifter / E.Bräte, E.Wessen. Stockholm, 1924-1936. Н. 1-4.
14. Upplands runinskrifter / E.Wessen, S.B.F.Jansson. Stockholm. Första och andra delen. Uppsala, 1943-1946.

Слова благодарности

Приношу огромную благодарность моему научному руководителю Федору Борисовичу Успенскому за ценные советы, комментарии и руководство научным проектом.